

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

А.Н. КОЖАНОВСКИЙ

Испания: этнический фактор и административные границы

Многим государствам мира в тот или иной момент их существования приходилось решать важный вопрос: следует ли в своем политико-административном устройстве учитывать фактор этнической гетерогенности, и если да, то каким образом? Для некоторых стран - вспомним хотя бы о нынешней ситуации в Грузии, этот вопрос продолжает оставаться столь актуальным, что от его решения будет напрямую зависеть их будущее.

Как известно, после установления советской власти в нашей стране без каких-либо вариантов возобладало отношение к этническому фактору как к исключительно важному явлению, в некотором отношении определяющему и личную, и общественную жизнь. В рамках данного подхода все человечество было поделено на четко очерченные народы-этноты, к одному из которых обязательно принадлежал каждый человек с рождения и до смерти. Такая принадлежность, определявшаяся "по крови", т.е. по этническому происхождению ("национальности") родителей, стала фиксироваться в официальных документах, самым непосредственным образом влияя на судьбу человека.

Этническое начало было заложено и в административно-политическое устройство СССР таким образом, чтобы почти каждый народ-этнос стал "хозяином" "своего" территориального образования, в отличие от проживающих здесь же людей других национальностей, у которых где-то тоже должна была быть аналогичная административно-территориальная "квартира". И не только власти, но и большинство наших сограждан, пожалуй, воспринимали данную схему как оптимальный и универсальный способ решения национального вопроса. Тем более неожиданным и даже шокирующим для советского общества второй половины 1980-х годов оказалось крушение столь, казалось, логичной и устойчивой "национальной модели", которая, по мере ослабления тоталитарного режима, явно перестала быть панацеей от конфликтов и недовольства. Стремительно нараставшие масштабность и жестокость столкновений именно на этнической почве быстро выдвинули национальный вопрос в ряд наиболее серьезных проблем, потрясавших все постсоветское пространство, включая российскую его часть.

Еще в начале перестройки многие наши соотечественники в поисках более успешных примеров регулирования межнационального взаимодействия неслучайно обратились к опыту Испании. Ведь эта страна относительно недавно и в короткие сроки, перейдя от жесткой диктатуры, монополии одной партии и идеологии, отсталой и закрытой экономики к парламентской демократии, многопартийности и идеологическому плюрализму, интеграции в объединяющуюся Европу, в сфере внутреннего

К о ж а н о в с к и й Александр Николаевич - кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института антропологии и этнологии РАН.

устройства заменила унитарный централизм на систему широкого местного самоуправления. И все это - без гражданской войны, экономического хаоса, массового обнищания, бунтов и насилия на этнической почве! Попытка изучения на примере так называемого "каталаноязычного ареала" весьма удачного испанского опыта обустройства полиэтнического государства и оценка возможности использования данной модели при совершенствовании федеративных отношений в нашей стране - основная задача данной работы.

В отечественной науке, к сожалению, сложилось стереотипное представление об Испании, как об обычном многонациональном государстве, где меньшинства - баски, каталонцы и галисийцы - долгое время, особенно при диктатуре Ф. Франко, страдали от угнетения, боролись против ассимиляции их доминирующим этносом (испанцами) и стремились к признанию своей самобытности и к политической автономии. Это утверждение справедливо лишь в политическом аспекте. Действительно, после победы над республиканцами в гражданской войне 1936-1939 годов франкисты в течение примерно двух десятилетий под страхом суровых наказаний запрещали использовать во всех сферах общественной жизни Испании какие-либо языки, кроме официального испанского (кастильского); прочие "языковые формы" допускались только в быту. Власти преследовали те народные традиции, которые носили, с их точки зрения, подчеркнута локальный, слишком экзотичный, а, значит, потенциально сепаратистский характер.

Помимо единого государственного языка, в условиях практически безраздельной монополии на идеологическую жизнь, людям навязывались единые стандарты школьного обучения, одни и те же официально-религиозные празднества, и т.д. Через подконтрольные властям средства массовой информации в общественное сознание внедрялись представления о единстве происхождения всех жителей Испании, общности их исторической судьбы, объединяющей их миссии в мировой истории. И, конечно, утверждалось, что любые различия в пределах всеиспанской общности - лишь локальные особенности отдельных частей целого, ничуть не нарушающие самой целостности (язык валенсийцев, к примеру, считался местным диалектом кастильского и т.п.).

С начала 1960-х годов позиция властей в рассматриваемой сфере стала несколько смягчаться, что сделало возможным медленное и постепенное восстановление (по-прежнему вне официальных рамок) языковой и культурной самобытности в тех частях страны, население которых этим дорожило. Тем не менее, необходимость радикальных изменений в этнокультурной области назрела настолько, что сразу после смерти диктатора в ноябре 1975 года новые либеральные испанские власти, не дожидаясь принятия демократической конституции, приступили к созданию так называемых "автономных сообществ" (*comunidades autonomas*) на основе временных статутов. После того, как принцип территориальной автономии в 1978 году был закреплен в Основном законе и на его базе разработаны соответствующие правовые нормы, временные самоуправляющиеся территориальные единицы были преобразованы в постоянные. В результате этого процесса, завершившегося в основном к 1983 году, автономии в Испании приобрели весьма широкие полномочия в устройстве своих внутренних дел, а местные языки получили в границах соответствующих сообществ статус официальных, наряду с испанским.

Казалось бы, в Испании долгожданное разрешение национального вопроса произошло в рамках привычной для нас модели, реализованной в свое время в СССР. Но, обратившись к собственно этнической составляющей рассматриваемых проблем, можно легко обнаружить ряд необычных, на первый взгляд, обстоятельств. Прежде всего, процесс автономизации там не ограничился предоставлением самоуправления Каталонии, Галисии и Стране басков. Он охватил всю территорию страны, так что к настоящему времени она представляет собой совокупность 17, а не 3 (по количеству

"национальных меньшинств") и даже не 4 (по общему числу "народов-этносов") автономных сообществ. Кроме того, границы, условно говоря, "национальных" (т.е. обычно ассоциируемых с соответствующим этносом) автономий - Каталонии, Басконии и Галисии - фактически разделили территорию вполне компактных этноязыковых ареалов. Так, каталонцы в Испании стали также жителями Валенсии, восточной части Арагона и Балеарских островов; галисийцы - смежных с Галисией земель Астурии и Кастилии-Леона; баски - северной части Наварры. Из этого с очевидностью следует: либо при автономизации Испании имел место административный произвол, либо в ее основу не был заложен этнический принцип. Поскольку первый тезис не соответствует действительности (население **само** определяло границы автономных образований, их становление и оформление происходило в соответствии с демократической процедурой, содержащейся в новой конституции, и имело своим источником инициативу местных выборных органов, поддержанную волеизъявлением населения в ходе референдума), приступим к рассмотрению второго.

В этом контексте возникает естественный вопрос: если не "национальные меньшинства" и не "народы-этносы", то кто же получил на рубеже 1970-х—1980-х годов автономию? Чтобы ответить на него, необходимо понять **реальную этническую ситуацию** в Испании, разобравшись не только и не столько с количеством проживающих в ней общностей (народов), сколько уяснив для себя специфику и вектор их национального развития [Кожановский, 1993].

Данный феномен удобно рассматривать на примере каталонцев, считавшихся в соответствии с традициями российской этнографии одним из "народов-этносов" (или "национальных меньшинств") испанского королевства¹. Здесь сразу же следует отметить, что в действительности в советской научной литературе имела место подмена понятий: термин "каталонцы" обозначал каталаноязычное население Испании, независимо от области его проживания, т.е. лингвистический ареал убежденно трактовался как ареал этнический. Данное "допущение" позволяло вроде бы с большой точностью подсчитать количество каталонцев, используя местную статистику: благо, опросы о языке общения в Испании проводились довольно регулярно. И хотя опросов о "национальной принадлежности" в нашем понимании не было вовсе, считалось, что носители каталанского языка, естественно, - единый народ и даже нация. Это, правда, предполагало высокий уровень этнического самосознания "каталонцев", но в его наличии мало кто из отечественных обществоведов сомневался.

Между тем, реальное положение дел в период автономизации на рубеже 1970-х-1980-х годов (равно как и до этого) было иным. Для подавляющего большинства жителей Испании, будь то внутри или вне каталаноязычного ареала, название "каталонец" соотносилось исключительно с исторической областью Каталонией². При Франко она, как и другие территории, не имела никакого официального статуса, но в народном сознании представление о делении страны на регионы было весьма устойчивым. Носители же каталанского языка, жившие в соседних регионах - Валенсии, Балеарских островах³, Мурсии и Арагоне, - воспринимали и называли себя иначе (это также относится и к их окружению). При этом стоит отметить, что их самоидентификация была не единой, а эклектичной.

Так, в середине 1970-х годов только 53% жителей Валенсии считали себя валенсийцами, тогда как 27% определились по одной из трех составляющих регион провинций, а из оставшихся 20% подавляющее большинство причислило себя к совсем "малой родине" - *комарке* (муниципии). В конце 1970-х годов при повторном опросе число назвавших себя валенсийцами по региону, как раз оформлявшему в то время автономный статус, сократилось до 37%, а доля тех, кто считал себя, прежде всего,

¹ На каталанском языке также говорят коренные жители Андорры, ряда приграничных с Испанией французских территорий и небольшого района на итальянском острове Сардиния. Этих групп я здесь не касаюсь.

² Испанцы предпочитают использовать в данном контексте термин "регион".

³ К началу автономизации к обеих этих территориях по-каталански говорило порядка 80% населения.

жителями родной провинции, напротив, выросла до 50% [Blanco, 1977, p. 47; Garcia Ferrando, 1982, p. 535]. В этой связи уместно привести весьма типичный эпизод (относившийся к периоду до автономизации), наглядно характеризующий уровни соотношения себя человеком с той или иной общностью. Один из валенсийских журналистов, находясь за границей, встретил группу людей, говоривших между собой на его родном языке. "Смотри, валенсийцы!" - обратился он к своему спутнику. - "Мы не валенсийцы". "Тогда каталонцы?" "Нет, не каталонцы. Мы - торгосинцы"⁴ [Valencia 1961, p. 26].

На Балеарских островах аналогичные обследования дали следующие результаты: 31% населения этой части каталаноязычного ареала отождествил себя с регионом в целом, а 55% - с каким-нибудь одним конкретным островом в составе архипелага. Здесь, кстати, обнаружились и "каталонцы" - ими оказались... приехавшие сюда выходцы из Каталонии! [Garcia Ferrando, 1982, p. 494].

Наконец, даже в самой Каталонии, жители которой, согласно обыденной логике, должны были, казалось, отчетливо демонстрировать единство, совпадавшее с принадлежностью к одноименной областной общности, этническая монолитность также отсутствовала! Так, в 1976 году соотношении жителей этой области, определявших себя по региону, по какой-либо из его провинций или по комарке было, соответственно, 60%, 31% и 2% (в 1979 году - 79%, 14% и 6%) [Garcia Ferrando, 1982, p. 434]. Иными словами, "областническое" сознание обнаруживалось даже внутри однородной исторически и лингвистически территории, что сближает ее с остальными каталано-говорящими регионами, ставшими ныне автономными сообществами⁵. И хотя из приведенных данных явствует, что в процессе обретения Каталонией автономного статуса обозначилась тенденция к усилению групповой идентификации ее населения по региону в целом, а не по его более мелким подразделениям, важно отметить следующее. Ни один из проведенных в Испании опросов, похоже, не выявил "каталонцев" в нашем привычном понимании - как представителей некоего "единого каталонского этноса" или "каталонской нации".

Не менее сложной и порой неожиданной выглядела в канун демократических реформ и ситуации с восприятием носителями каталанского языка, казалось бы, непреложного факта - своего лингвистического единства. Тем более, как мы помним, в каталаноязычном регионе, охваченном с начала 1960-х годов движением за восстановление культурной самобытности, именно повышение общественного статуса каталанского языка и "реабилитация нанесенного ему ущерба" были объектами первоочередного внимания и целенаправленных усилий многочисленных энтузиастов "культурного возрождения". И если в Каталонии лингвистический "ренессанс" не вызывал трений среди ее коренных обитателей, то в соседней Валенсии почти сразу же вспыхнули жаркие дискуссии о том, называть исконный язык "каталанским" или же "валенсийским". В литературе, местной и центральной печати для языка некастильскоязычных валенсийцев употреблялись оба вышеуказанных термина. Исследователи в связи с этим отмечали, что валенсийцы в целом сопротивлялись закреплению за их языком названия "каталанский", поскольку "отвергали все, что не носило подчеркнутых знаков уважения к их региональным особенностям". Так что вопрос о том, как будут именовать их родной язык, составил для них "серьезную ономастическую проблему" [Sanchis Guarner, 1982. p. 190; Ferrando Frances, 1980, p. V].

⁴ Торгоса - комарка на юге Каталонии.

⁵ По каталаноязычным обитателям восточной, прилегающей к Каталонии полосы Арагона (численность около 70 тыс. человек), у меня, к сожалению, нет аналогичных данных. Укажу лишь, что население этой части каталаноязычного ареала, как бы отрезанное границей от основного его массива, в подавляющем большинстве называло себя "арагонцами". Точно известно об отсутствии на данных территориях какого-то ирредентистского прокаталонского движения, ставившего задачу воссоединения на национальному признаку.

В Испании имеется еще одна региональная группа коренного каталаноязычного населения - в Мурсии, но она менее заметна, скорее всего, в силу своей малочисленности (менее 3 тыс. человек).

В процессе утверждения автономного статуса Валенсии возобладало название "валенсийский", или "валенсиано" (valenciano), которое и было узаконено. Однако полемика о названии языка не затихла. Для определенной части жителей провинции закрепление в официальных документах иного, чем в Каталонии, названия местного языка, означало безусловное признание его полной "лингвистической независимости". Причем ее поборники не ограничивались апелляцией к только что принятой региональной конституции: начиная с 1960-х годов среди широкой общественности стали активно пропагандироваться результаты исследований тех лингвистов и историков, которые пытались доказать изначальное отсутствие родства валенсийского и каталанского языков. Такова, например, концепция происхождения валенсиано непосредственно от языка *мосарабов* - христиан, живших на подвластных мусульманам землях и, якобы, говоривших в быту на самостоятельной разновидности романской речи - *романсе*, восходящей к временам доарабской Испании⁶. Их оппоненты, правда, считали претензии на такую самостоятельность совершенно не обоснованными, ибо они строились лишь на отказе от общепризнанных языковых норм и рабском копировании на письме насыщенной испанизмами разговорной речи валенсианцев [Sanchis Guarner, 1982, p. 193].

Дебатам о языке сопутствовали дискуссии об этногенезе коренных валенсианцев. Те, кто считал, будто валенсиано восходит непосредственно к романсе, естественно, видели именно в мосарабах (или даже какой-то части мавров) предков нынешних обитателей региона. Тем самым они отказывались признать свое происхождение от каталонцев, заселивших данный регион в ходе Реконксты и в последующие годы. "Ничтожная кучка неграмотных наемников" из Каталонии, по мнению противников концепции каталонских корней нынешней валенсийской общности, не сыграла в ее формировании никакой сколько-нибудь заметной роли, бесследно растворившись среди коренного населения, с незапамятных времен жившего на своих исконных землях.

Борьба в Валенсии между лингвистическими "каталанистами" и "изоляционистами", реально говорившими на одном и том же языке, продолжалась с переменным успехом несколько лет, сопровождая становление тамошнего автономного сообщества, пока, наконец, региональные власти, сохранив в местной конституции название "валенсийский язык", утвердили для его обучения общекаталанские нормы. Тем самым на официальном уровне было признано, что валенсиано - это всего лишь местный термин для регионального варианта каталанского языка. Но и после этого многочисленные "языковые валенсианисты" продолжали выступать против "протаскивания каталанского языка на место, предназначенное для истинного валенсиано". Они организовывали митинги, демонстрации, бойкоты, кампании в печати и т.д., по-прежнему не оставляя незамеченным ни одного случая пренебрежения термином "валенсийский" или употребления вместо него термина "каталанский", когда речь шла о языке коренных жителей [Cambio 16, 1987, p. 10]⁷.

На Балеарах поползновения к "лингвистическому сепаратизму" были значительно слабее, несмотря на то, что там каталанский язык сохранился и функционировал в не-

⁶ Поскольку серьезные историки настаивали на том, что к моменту Реконксты в Валенсии не было никаких мосарабов, существовал другой вариант той же концепции. Якобы сами мавры, которые были в значительной части потомками приникших ислам местных жителей, употребляли романсе в быту, а арабский - только в официальной и культовой жизни. Валенсийские языковые "изоляционисты" видели тут ясное доказательство правоты своих претензий на самостоятельность валенсиано по отношению к каталанскому.

⁷ Надо ли говорить, что все упомянутые аргументы "изоляционистов" самым решительным образом оспаривались и высмеивались их оппонентами. Добавлю, что претензии части жителей Валенсии на самостоятельность валенсиано и не зависящее от переселенцев из Каталонии происхождение нынешних валенсианцев выглядели все же своего рода крайностью, обусловленной преимущественно социально-политическими причинами (углубляться в которые в данном случае, за неимением места, не представляется возможным). Да и многие из этих "изоляционистов", судя по некоторым косвенным признакам, вполне отдавали себе отчет в своем языково-генетическом единстве со всеми прочими обитателями обширного каталаноязычного ареала на территории Испании, которые, со своей стороны, никогда и не сомневались.

которых сферах неофициальной жизни даже не в виде единого, но целого ряда местных островных диалектов (мальоркский, меноркский, ивисско-форменгерский). Такая языковая раздробленность, судя по всему, отражала реальную разобщенность балеарского населения, значительная часть которого, как уже говорилось, в конце 1970-х годов при самоидентификации ставила на первое место принадлежность даже не к архипелагу в целом (не говоря уже о "единой каталонской нации"), а к своим родным островам. Это, по мнению многих наблюдателей, ставило перед правительством только что созданной балеарской автономии серьезные проблемы, продиктованные необходимостью интеграции в единый регион отдельных островов, которые на протяжении истории многократно занимали позиции отчетливо выраженной обособленности [García Ferrando, 1982, p. 495]. Но столь сильного, как в Валенсии, противопоставления местных лингвистических норм единой общекаталонской норме на архипелаге не возникло. Правда, на рубеже 1980-х годов в ходе опроса было выявлено, что 41% жителей архипелага предпочитали называть язык, на котором они говорили, "мальоркским", однако 36% высказались за термин "каталанский" (остальные заявили, что им все равно). Поэтому в конечном счете в официальном статуте автономных Балеарских островов последнее наименование языка местного населения закрепилось сравнительно легко. Как сказал тогда один из местных руководителей: "Для нас всех мальоркский - такой же каталанский язык, как и барселонский"⁸ [Lenguas... 1982, p. 273; Ferrer i Girones, 1986, p. 225-226].

На рубеже 1980-х годов социологические опросы наглядно продемонстрировали также и то, что для каталаноязычных жителей разных регионов фактор территориальной общности превалировал над фактором генетического родства. Когда опрашиваемым было, в частности, предложено перечислить все области и их население по степени предпочтения и симпатий, то жители Валенсии на первое место поместили Андалузию с ее кастильскоязычными обитателями, тогда как "родственников"-каталонцев - лишь на третье, а балеарцев вообще на пятое. Аналогичным образом андалузийцы снискали приязнь и каталонцев, которые поставили их выше своих "родных братьев" по языку и происхождению (интересно, что жители Барселоны добавили к андалузийцам еще и басков). Лишь обитатели Балеар выказали предпочтение одноязычным с ними валенсийцам, зато каталонцев они отодвинули на четвертое место, предпочтя им "чуждых", казалось бы, андалузийцев и арагонцев [García Ferrando, 1982, p. 449]. Вряд ли такая картина в каталаноязычном ареале могла бы иметь место при сколько-нибудь высоком уровне этнического самосознания, особенно в условиях противостояния "ущемленного национального меньшинства" и "доминирующего испанского этноса", к которому, по нашим традиционным представлениям, принадлежали и андалузийцы, и арагонцы, и другие испаноговорящие областные общности.

Более того, упомянутые опросы дали сравнительно ясную, хотя и непривычную для нас картину того, что в глазах обитателей каталаноязычного ареала являлось основным признаком, определявшим их самобытность. Так, большинство валенсийцев (57%) ставили на первое место климатические условия родной Валенсии, тогда как маркеры, которые мы называли бы "этническими", набрали, соответственно, 39% - местный язык; 38% - обычаи и 15% - фольклор. На Балеарских островах аналогичные показатели выглядели следующим образом: климат и географические условия родного архипелага - порядка 60%; язык, обычаи и фольклор - 45%, 46% и 3%. Из обитателей Каталонии лишь 33,3% полагали: для того, чтобы быть каталонцем, необходимо владеть каталанским языком [García Ferrando, 1982, p. 541, 502; Linz, 1986, p. 32].

Сказанное позволяет сделать следующий вывод. На рубеже 1980-х годов свою языковую и этническую близость группы людей, говорящих на каталанском, **реально ощущали** только в диахронном плане. В синхронном же плане осознание этого

---

⁸ То есть диалект, на котором говорят жители столицы Каталонии - Барселоны.

обстоятельства, вопреки весьма благоприятной "внешней" посылке - демократическому процессу автономизации страны, играло очень малую роль в этнической и, тем более, административно-политической консолидации данной части населения Испании⁹. В силу чего, жители какой-либо территории, отличающиеся по происхождению и языку, но объединенные местом проживания, в совокупности воспринимали себя как особую региональную общность, единый (в гражданском понимании) народ. Подобный взгляд на ситуацию преобладал в рассматриваемое время среди жителей Валенсии, не менее 12% населения которой было кастильскоязычно (в их число входили как многочисленные группы коренных жителей, чьи предки по разным причинам перешли с местного языка на официальный, так и мигранты и их потомки из испаноязычных областей страны). В отношении этих людей преобладающая в местном обществе точка зрения состояла в том, что те, кто родился на валенсийской земле, независимо от происхождения предков и языка - валенсийцы. Более того, согласно весьма влиятельному, имевшему множество сторонников мнению, валенсийцами считались "все, кто живет и работает" в этом регионе, только "одни из них говорят по-каталански, другие - по-кастильски" [Colomer, 1986, p. 169].

Та же закономерность - превалирование в сознании индивида и в глазах его окружения категории "место рождения" над понятием "материнский язык" или, как мы бы сказали, "этническое происхождение" - прослеживается и в Каталонии. Там количество испаноговорящих приезжих в силу высокого уровня экономического развития было особенно велико¹⁰, и коренные жители довольно четко отделяли себя от "пришельцев" - для обозначения последних здесь имелась пренебрежительная кличка - "*шарнего*" (чужак). Исходя из российского опыта логично предположить, что дети мигрантов должны были бы на новом месте сохранить полностью или частично этнические признаки родительской общности. Ведь новопоселенцы каталонских городов, во-первых, поддерживали постоянные контакты и между собой, и с территорией "всхода". Во-вторых, в некоторых районах своего проживания они сформировали компактный массив, если не подавляющее большинство. В-третьих, структура их занятости была такова, что на отдельных предприятиях (и даже в отраслях производства) мигранты имели весомое численное преобладание над местными уроженцами. При этом средства массовой информации, официальная и деловая жизнь, школьное обучение, сфера торговли и обслуживания, - все это вплоть до середины 1970-х годов функционировало почти исключительно на государственном языке страны-родине для приезжих.

Совокупность указанных обстоятельств, казалось бы, не должна была стимулировать их к изучению каталанской речи и тем более - к отождествлению себя с местной общиной. Между тем, имелись многочисленные свидетельства, что в таких условиях немалая часть уже первого поколения мигрантов, переехав в Каталонию из других регионов страны и прожив здесь несколько лет, считала и называла себя "каталонцами" и в той или иной степени освоила местный язык. Мигранты же второго поколения практически поголовно ощущали себя полноценными и полноправными чле-

---

⁹ Справедливости ради отмечу, что носители ожидаемого нами "общекаталонского" самосознания все же существовали. С середины 1970-х годов они были объединены политически в организации "радикальных националистов" левого и ультралевого толка. Для этих людей все говорящие на каталанском языке, независимо от того, в каком регионе и даже в каком государстве они жили, представляли собой единую национальную общность. Радикалы отвергали существование каких-либо различий между каталаноязычными баларцами, арагонцами и коренными обитателями Каталонии, считая их всех одним народом, область расселения которого они называли "Великой Каталонией". Эта территория должна была, по их мнению, составить основу особого государственного образования, имеющего право на политическую самостоятельность, ибо Испания в их глазах была другим миром, другой страной. Такая позиция (отдельные группы ее приверженцев взяли на вооружение террористические методы) оставалась достоянием незначительного меньшинства, и наиболее видные деятели каталаноязычного возрождения во всех охваченных им регионах считали ее столь же недопустимой крайностью, как и вышеупомянутые претензии валенсийцев на уникальность по происхождению и языку [Colomer, 1986, p. 169].

¹⁰ В конце 1985-х годов мигранты составляли 37% от общего числа местных жителей; в отдельных зонах Каталонии, в частности в Барселоне, их доля была еще выше - 50% и более [Esteva Fahregat, 1975, p. 231-

нами региональной общности¹¹. В таком же качестве их воспринимали коренные жители, для подавляющего большинства которых решающим критерием "каталонства" являлся, по существу дела, факт рождения *in situ*. В 1979 году глава местного автономного правительства заявил в этой связи, что каталонские власти в своих действиях и намерениях руководствуются принципом: "каталонцы" - это те, кто живет и работает в Каталония. Иными словами, в пределах региона шли интенсивные культурные и языковые процессы, суть которых состояла в "каталонизации" приезжих, обретении ими самосознания жителя этого региона и овладения языком, на котором говорили коренные обитатели их новой родины. Это подтверждают и данные опроса, проведенного в конце 1970-х годов: в Каталонии в то время доля считавших себя "каталонцами" (74%) превосходила долю местных уроженцев - около 60%; доля же говорящих по-каталонски (90%) в количественном отношении превышала оба эти показателя¹².

Подобного рода свидетельств и фактов можно приводить немало. Но даже на основании «казенного правомедно усомниться в том, что, несмотря на компактное расселение, к началу процесса автономизации конца 1970-х - начала 1980-х годов население каталаноязычного ареала было сплоченной этнической общностью в традиционном для отечественной этнологии понимании. Судя по всему, генетическое и лингвистическое единство (вполне осознаваемое "каталонцами") оказалось в данном случае недостаточным для формирования среди них того коллективного сознания, которое давало бы основание назвать всю эту совокупность людей этносом и тем более - нацией, имевшей заветной целью политическую эмансипацию. Отсутствие в "Каталанских землях"¹³ такого самосознания признавали даже убежденные сторонники общекаталанского единства, из чего естественным образом вытекало нежелание участия в совместных политических действиях или административных проектах [Colomer, 1986, p. 173]. Идентификацию по этническому признаку повсеместно заменяло доминировавшее чувство регионального, областного единства. Именно на этом уровне и складывались реальные, ощущаемые большинством населения связи, которые на практике становились основой общностей - "народов", в Совокупности составлявших население страны. А так называемые объективные этнические признаки (прежде всего, родной язык) осмыслялись и использовались

¹¹ В данном контексте уместно отметить весьма курьезное, но и очень характерное обстоятельство. Приезжие со стажем позволяли себе называть только что прибывших в Каталонию земляков небезобидным словечком "*шарнего*" и упрекать их в том, что они, дескать, явились "есть каталонский хлеб"!

¹² Хотя данный сюжет и выходит за рамки настоящего исследования, укажу все же, что ситуация в испаноговорящих регионах страны в целом развивалась в аналогичном направлении. Так, в Арагоне различные по происхождению и языку, но объединенные местом проживания группы населения (в составе которых, помимо кастильско- и каталаноязычной, кстати, имеется еще и третья группа - несколько десятков тысяч Человек, говорящих на особом арагонском языке/диалекте) считали, что все они вместе составляют региональную общность - арагонцев. В этой связи интересен следующий факт. В начале 1980-х годов правительство только что созданной арагонской автономии заявило о поддержке использования каталанского языка в тех районах, где на нем исконно говорят местные жители (было, в частности, принято решение о введении там начального и даже среднего образования по-каталански). Со стороны региональной оппозиции в адрес местных властей немедленно последовали обвинения в поощрении намерения обитателей восточных арагонских земель "приписаться" к Каталонии. Но и должностные лица, и сами каталаноязычные арагонцы решительно опровергали все обвинения в сепаратизме. Очень характерно в этом смысле заявление арагонского участника II Международного конгресса каталанского языка (1986 год) о том, что язык этой части населения Арагона является достоянием данного региона и потому его следует рассматривать как "арагонский".

¹³ Термин "Каталанские земли" (Tierras catalanas) и его синонимы: "Каталанские страны" (Païses catalanei) в "Земли каталанского языка" (Tierras de lengua catalana) - название общей родины всех, кто использует для общения каталанский язык. Для каждой части этой "Земли" или "Страны" использовалось соответствующее наименование ("Валенсийская страна" и т.д.). Как мы видим, все существовавшие определения с неизбежностью содержали элемент региональной множественности, и в этом ряду не была исключением даже пресловутая "Великая Каталония": ведь просто Каталония - это все тот же известный нам регион, а "Великая" - значит, включающая еще какие-то земли, кроме Каталонии, т.е. качественно иная.

здесь весьма причудливым, с моей точки зрения, образом, подчиняясь воздействию форм общественного сознания, исторически сложившихся на испанской земле.

Уточнение представлений об этнической ситуации в Испании позволяет более адекватно рассмотреть процесс культурно-языкового возрождения начала 1960-х годов во всех регионах распространения каталанского языка (фактически и на всей остальной территории Испании). В ходе его резко усилился общественный интерес к местной истории и культуре, переросший в широкое движение за восстановление, укрепление и развитие культурной и лингвистической самобытности. Децентрализация государственного устройства после падения режима Франко создала для всего этого дополнительные и весьма существенные возможности, прежде всего организационные и финансовые, и постепенно все сколько-нибудь влиятельные политические силы в регионах стали данное возрождение поддерживать. В такой ситуации сопутствовавшая упомянутым сдвигам модернизация испанской экономики, кроме всего прочего устранявшая огромный разрыв, долгое время существовавший между индустриально развитой Каталонией и ее куда более отсталыми "соседями" - Валенсией, Арагоном и Балеарскими островами, казалось бы, должна была способствовать мощному подъему консолидационной волны на основе культурноязыково-генетического единства. На деле же возрождение - и по содержанию, и по форме вроде бы соответствовавшее определению "национальное" - развернулось по преимуществу в региональных границах и содействовало главным образом утверждению региональной же самобытности. Пропаганда культурно-языкового своеобразия каждой областной общности одновременно цементировала ее, наглядно подтверждая право на самостоятельность в решении своих внутренних дел.

В подобном контексте не стоит удивляться тому, что территории, которым либеральное постфранкистское правительство в ходе кампании по децентрализации предоставило автономию, оказались все теми же историческими регионами. Ведь именно их население издавна заявляло о себе как об общностях (более того - "народях"), всегда претендовавших на право самим управлять своей "малой родиной". И хотя право это было отнято у них в период абсолютизма, оно прекрасно сохранилось в исторической памяти местного населения: областнические общности всегда и осознавались, и функционировали; их интересы активно отстаивались и в политике, и в языке, и в экономике, и т.д. Они же выступали в качестве субъектов территориально-общинных отношений и при взаимодействии с государственной властью. Это, видимо, соответствовало укоренившимся, шедшим из глубины веков традициям и представлениям как населения, так и государства. Какой бы унитарной политики не придерживалось то или иное испанское правительство, оно всегда подспудно отдавало себе отчет в том, что управляемая им страна имеет сложный состав, что исторически она составила из различных частей, которые присутствуют в ней и сейчас, независимо от факта официального признания. И данное обстоятельство - доминирование в испанской жизни на протяжении столетий именно регионального, а не этнического начала - отразилось в той или иной мере во множестве важнейших государственных документов и установлений, будь то Кадисская конституция 1812 года или конституционный проект 1873 года, законы Второй республики 1933 года или договор со Швейцарией 1974 года, не говоря уж о нынешнем конституционном устройстве страны. И хотя перечень регионов со временем несколько изменился (главным образом, за счет их слияния, перегруппировки или выделения из крупных более мелких единиц), это также происходило по критериям, не имевшим ничего общего с этничностью [Lopez Rodo, 1986, p. 39-41].

В конечном счете, административная реформа конца 1970-х—1980-х годов, по сути дела, может рассматриваться как масштабная попытка решить, наконец, именно региональный вопрос, державший Испанию в напряжении на протяжении столетий, а отнюдь не этнонациональный (в отечественном, а фактически - советском понимании). На это, правда, можно возразить, что согласно ст. 2 Конституции Испании

1978 года право на автономию имеют не только регионы, но и "национальности" (*nacionalidades*). В связи с чем возникает искушение, во-первых, предположить, что как раз здесь, наконец, и обнаруживается признание, с одной стороны, факта существования в стране не только региональной, но и этнической социально-культурной реальности; с другой - некой равнозначности двух этих начал (регионального и этнического), которые, при сходстве отдельных внешних проявлений, отличны по своей сути.

Во-вторых, возникает искушение увидеть в тамошних "национальностях", конечно же, четыре народа-этнуса, чьи названия укоренились в советской испанистике! Но ни при парламентском, ни при всенародном обсуждении соответствующей статьи проекта Основного закона речь об этом не шла вовсе. В конституции отсутствуют не только конкретный перечень упомянутых "национальностей", но и критерии их сущности и отличий от региональных общностей [Lopez Rodo, 1986, p. 28-31]. Существенно и то, что столь важный, казалось бы, вопрос был передан в ведение самих автономных сообществ, которые самостоятельно должны были решить, "национальности" они или нет.

Как явствует, помимо прочего, из текстов официальных статуты созданных к началу 1980-х годов автономных сообществ, таковыми провозгласили себя народы Страны басков, Каталонии, Галисии, Андалузии и Валенсии. Практически во всех остальных двенадцати случаях местные конституции определили население своих автономий как "народы - региональные общности" с акцентом на их историческое и региональное единство и сложившееся своеобразие. В статусе Балеарских островов, наряду с указанием на особый облик "народа" архипелага, встречается определение его как "межостровной общности", основанной на сотрудничестве составляющих ее "народов" отдельных островов, а также подчеркивается намерение местных властей способствовать развитию "общих черт национальности" в ее среде. Но самое важное, поскольку испанская конституция не дает общности, провозгласившей себя "национальностью", никаких преимуществ перед другими, статусы "национальных" и прочих регионов в рамках единого государства принципиально не различаются [Codigo... 1986, p. 893; Sole Tura, 1985, p. 18].

Отметив еще раз, что проанализированная выше ситуация в каталаноязычном ареале вполне типична для Испании в целом, подчеркну следующее. Конкретные исследования не только не подтверждают существования и взаимодействия в этой стране четырех народов-этносов (в традиционном понимании), выделяемых по лингвистическому и генетическому признакам, но и наглядно демонстрируют исторически сложившуюся относительно малую значимость этнического фактора в испанском социуме. И хотя не представляется возможным рассматривать население Испании в виде совокупности этносов, вместе с тем применительно к его составу вполне уместно говорить об общностях, принадлежность к которым определяется самосознанием индивидов и соответствует известной в этнологии дихотомии "своичужой". Однако при определении принадлежности к "своим" признаки, которые мы назвали бы "этническими", не играют существенной роли и повсеместно подчиняются иным доминантам, сводимым к связи с регионом (или его частью). Это не означает, что, скажем, языковые и культурные характеристики вовсе не важны; напротив, они повсеместно присутствуют и культивируются, но в пределах тех же региональных (субрегиональных) общностей как доказательство их самобытности и права на автономию или ее расширение. Сама же по себе языковая и этнографическая близость и даже идентичность в глазах подавляющего большинства населения в настоящее время не выступает в качестве основы единства.

Безусловно, такая модель противоречит нашему собственному этноисторическому опыту: Испания явно предоставляет нам качественно иную форму бытования этнического начала. Испанское общество к началу демократических реформ не знало ни привычного советскому человеку обязательного "членства" в составе того или

иног этноса, ни определения "национальности" по происхождению¹⁴. Если руководствоваться российскими критериями и понятиями, подавляющее большинство жителей этой страны пребывало в состоянии "безэтничности", и степень учета испанскими правительствами этнического фактора во внутренней политике, в том числе и в реформе административно-государственного устройства страны, в целом соответствовала характеру и роли этничности в жизни местного общества, которые были совершенно не такими, как в нашей стране. Однако тогда неизбежен вопрос: что же означает только что отмеченная качественная разница этнических ситуаций на противоположных сторонах Евразийского континента - какую-то аномалию в одном из двух случаев, отклонение от естественных форм человеческого бытия, но тогда в каком из них?

По моему убеждению (сложившемуся не только на основе изучения испанских материалов) развитие "этнического начала" в обществе возможно в разных вариантах, включая и "нулевой", при котором оно малозаметно. Все эти варианты в каждом конкретном случае присутствуют в виде тенденций, те или иные из которых берут верх в зависимости от исторических обстоятельств. Чрезмерно же радикальное и глубокое вторжение в исторический контекст может блокировать тенденции, доминировавшие ранее, и, напротив, открыть дорогу прежде второстепенным.

В России после Октябрьской революции в идеологии, общественном сознании, практике и т.д. возобладала одна, хотя и весьма влиятельная, долговременная, но отнюдь не единственная из бытовавших к тому времени и не охватывавшая все население государства тенденция этнического развития, в соответствии с которой этничность была признана неотъемлемым атрибутом личности, определяемым биологически. По мере становления в стране тоталитаризма названная тенденция превратилась в монопольную и получила политическое наполнение. Постепенно она все больше стала определять этническую ситуацию в стране и, диктуя ее формы и изменения или, по крайней мере, мощно воздействуя на них, тем самым разрушала или деформировала прежние, имевшие иную основу виды группового единства и давние традиции проявления этнической жизни. Ведь в "старой" российской этничности, над которой возобладала "новая" советская, было значительно больше черт, напоминающих нам испанский вариант. Во всяком случае, подданные Российской империи не были "расписаны" по этническим общностям ни формально, ни фактически. Широкие слои населения в самых разных частях страны не обладали выраженным этническим самосознанием, и их групповая идентификация во многих случаях строилось не на генетических, а на культурных, языковых, социальных и конфессиональных критериях, сплошь и рядом переплетавшихся самым причудливым образом.

На мой взгляд, сравнение с Испанией убедительно свидетельствует о том, что в советский период официальная трактовка этничности и политика в "национальном вопросе" сыграли роль мощного стимулятора этнообразующего фактора: власть, по сути дела, десятилетиями "педалировала" этнизацию общества. Провозглашение права на политическое самоопределение народов, понимаемых этнически; создание территориально-административных образований по национальному признаку, порождающему нелепое разделение местных жителей на "хозяев" и "чужаков" с легко прогнозируемыми последствиями для их взаимоотношений и с вполне понятным в таких условиях стремлением к созданию новых территориальных автономий - "убежищ" - для всех без исключения "этносов"; установление иерархии национально-территориальных единиц, в результате чего одни этносы оказываются вершителями судеб других, - все это и многое другое есть результат победы одной из возможных тенденций в этническом развитии общества при подавлении прочих. Той самой победы, за которую уже пришлось и приходится платить страшную цену...

Испания, по-видимому, демонстрирует значительно более естественный ход собы-

---

¹⁴ Нужно сказать, что "генетическая" тенденция постоянно давала о себе знать и в испанской истории, но интересно, что как раз и качестве этнического критерия она здесь и целом не прижилась.

тий в этнической сфере. Но чтобы Россия могла использовать успешно опробованную в этой стране в постфранкистский период модель демократизации и децентрализации государственного устройства, реализованную в условиях этнокультурной и языковой гетерогенности, этнический фактор должен быть изъят из политической жизни нашего государства и перейти в частную сферу, оставшись частным делом личности. Это ничуть не противоречит сути этничности, зато очень облегчает человеческое общежитие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кожановский А.Н.* Народы Испании во второй половине XX столетия: опыт автономизации и национального развития. М., 1993.
- Blanco J.J. et al.* La conciencia regional en España. Madrid, 1977.
- Cambiol6.* 1987. №788.
- Codigo* by *Leyes Politicas.* Madrid, 1986.
- Colomer J.M.* Catalunya como cuestión de estado. Madrid, 1986.
- Esteve Fabregat Cl.* Ethnicity, Social Class and Acculturation of Immigrants in Barcelona // *Ethnologia Europea.* 1975. V. 8. № 1.
- Ferrando Frances A.* Consciencia idiomática i nacional dels valencians. Valencia, 1980.
- Ferrer i Girones Fr.* La persecució política de la llengua. Barcelona, 1986.
- Garcia Ferrando M.* Regionalismo y autonomia en España. 1976-1979. Madrid, 1982.
- Lenguas y educación en el ámbito del estado español.* Barcelona, 1982.
- Linz J.* Conflicto en Euskadi. Madrid, 1986.
- Lopez Rodo L.* Las autonomías, encrucijada de España. Madrid, 1986.
- Sanchis Guarner M.* La llengua dels valencians. Valencia, 1982.
- Sole Tura J.* Nacionalidad y nacionalismo después de la constitución de 1978 y los estatutos de autonomía // *Nacionalismo y regionalismo en España.* Córdoba, 1985.
- Valencia Cultural.* 1961. № 17.